

Российское религиоведение в лиминальном пространстве

М. Ю. Смирнов

*Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Введение. Российское религиоведение не без труда отделилось от научно-атеистической парадигмы, но не достигло какого-то нового качественного состояния, позволяющего считать его полностью самостоятельным. Это положение можно уподобить ситуации своего рода перехода, с тем необходимым уточнением, что более или менее ясно, из какого состояния этот переход начался, но совершенно неясно – какое состояние может стать итоговым результатом перехода.

Содержание. Непонятность конечной стадии перехода не отменяет, однако, реальности пребывания российского религиоведения в промежуточном, лиминальном состоянии. Такое состояние характеризуется диффузностью структурной принадлежности, ролей и статусов; к сожалению, также и подчиненностью инстанциям (не всегда понятно, каким), от которых зависит субъект перехода. Это положение не исключает некой минимально структурированной жизнедеятельности – оставшись «как он есть», лиминальный совокупный субъект консолидирует своих участников.

Религиоведение как научная деятельность это всегда «встреча» познающего субъекта (религиоведов) и познаваемого объекта (религии). Сегодня в наибольшей степени заслуживает внимания проблема объекта религиоведческих исследований. Речь не о подборе очередного, более точного определения религии, а именно об установлении параметров того, что в современных условиях существует под привычным названием религии. С этой проблемой связаны и все прочие, среди которых, например, идентификация различных новообразований в духовной сфере (включая «пограничные» сообщества), выявление новых значений в языке религий, анализ адаптации религиозных практик к современным информационным (цифровым) технологиям, перспективы диалогового режима взаимоотношений светских и конфессиональных позиций в обществе (прежде всего в гражданско-правовой сфере).

Выводы. Рассмотренное состояние есть свидетельство пребывания российского религиоведения в своего рода лиминальном пространстве. Оно (религиоведение) уже отделилось от советских времён, когда исследования религии были научно-атеистическими (что бы там ни говорилось о скрытом глубоком их содержании). Нового статуса религиоведение в России пока не обрело, поскольку не очень понятно, чем оно должно стать. И оно находится сейчас в напряжённом поиске, подвергаясь разным воздействиям, как это и положено на пороговой стадии.

Ключевые слова: религии в России, лиминальность, научно-атеистическая парадигма, современное религиоведение.

Для цитирования: Смирнов М. Ю. Российское религиоведение в лиминальном пространстве // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2024. – № 1. – С. 284–297. DOI: 10.35231/18186653_2024_1_284. EDN: CNYKSI

Russian Religious Studies in the Liminal Space

Mikhail Yu. Smirnov

*Pushkin Leningrad State University,
Sankt-Peterburg, Russian Federation*

Introduction. Russian religious studies have not easily separated from the scientific atheistic paradigm, but has not reached any new qualitative state that allows it to be considered completely independent. This situation can be likened to a situation of a kind of transition, with the only necessary clarification that it is more or less clear from what state this transition began, but it is not at all clear what state can be the final result of the transition.

Content. The incomprehensibility of the final stage of the transition does not, however, negate the reality of being in an intermediate, liminal state. This state is characterized by diffuse structural affiliation, roles and statuses; unfortunately, it is also subordinated to the authorities (it is not always clear which ones) on which the subject of transition depends. This provision does not exclude some minimally structured life activity – remaining “as it is”, the liminal aggregate subject consolidates its participants.

Religious studies as a scientific activity are always a “meeting” of a cognizing subject (religious scholars) and a cognizable object (religion). Today, the problem of the religious studies object deserves the most attention. It is not about choosing another, more precise definition of religion, but rather about setting the parameters of what exists under the familiar name of religion in modern conditions. All others are connected with this problem, among which, for example, the identification of various new formations in the spiritual sphere (including “borderline” communities), the identification of new meanings in the language of religions, the analysis of the adaptation of religious practices to modern information (digital) technologies, the prospects for a dialogue regime between secular and confessional positions in society (first of all – in the civil law sphere).

Conclusions. The considered state is evidence of the presence of Russian religious studies in a kind of liminal space. It has already separated from Soviet times, when religious studies were called scientifically atheistic (no matter what they say about their hidden deep content). Religious studies in Russia have not yet acquired a new status, because it is not very clear what it should become. And it is now in an intense search, being subjected to various influences, as it should be at the threshold stage.

Key words: religions in Russia, liminality, scientific atheistic paradigm, modern religious studies.

For citation: Smirnov, M. Yu. (2024) Rossijskoe religiovedenie v liminal'nom prostranstve [Russian Religious Studies in the Liminal Space]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 1. Pp. 284–297. (In Russian). DOI: 10.35231/18186653_2024_1_284. EDN: CNYKSI

Введение

Российское религиоведение не без труда отделилось от научно-атеистической парадигмы. Прежде всего был утрачен статус идеологической дисциплины, имевшей назначением официальную презентацию мировоззрения, предписанного руководящими политическими институтами. Соответственно, отпала неизбежная прежде привязка к единой теоретической (историко-материалистической) трактовке религии, определённой господствовавшей в советское время идеологией. В исследованиях перестала доминировать диалектико-материалистическая методология, наступило состояние методологического плюрализма – в основном за счёт рецепций из зарубежного арсенала наук о религии и реанимации отечественного немарксистского наследия [5; 9]. Кроме того, что весьма существенно, у российских исследователей религии и преподавателей религиоведческих дисциплин отпали идеологически мотивированные агитационно-пропагандистские обязанности.

Освободившись от политико-идеологической ангажированности, религиоведение стало утверждаться как одно из направлений гуманитарных знаний. Оно (как прежде это было с научным атеизмом) интегрировано в систему образования, но уже на альтернативной основе, соседствуя с теологией. Как некий атрибут, приличествующий науке и образованию современного цивилизованного государства, религиоведение в России легитимно, что отражено в соответствующих федеральных государственных образовательных стандартах, номенклатуре научных специальностей, профессиональном стандарте «специалистов в сфере национальных и религиозных отношений».

Но сказать, что все эти перемены привели религиоведение к достижению какого-то нового качественного состояния, позволяющего считать его полностью самостоятельным, пока нельзя. Даже как научная специальность оно существует не как отдельное направление, а будучи вписанным в философские науки (в настоящее время это называется: 5.7.9. Философия религии и религиоведение). Общий образ российского религиоведения – диффузность, разрозненность, зависимость от внешних обстоятельств вненаучного характера. Это объ-

ективный результат той социальной динамики, в условиях которой отечественные исследователи религий оказались в постсоветское время, когда переустройство социума привело не только к неустойчивости положения совокупного субъекта религиоведения (учёных и преподавателей – как светских, так и конфессионально аффилированных), но и к трансформациям исследуемого предметного поля религии.

Такое положение можно уподобить ситуации своего рода *перехода*, с тем необходимым уточнением, что более или менее ясно, из какого состояния этот переход начался, но совершенно неясно – какое состояние может стать итоговым результатом перехода. Если этим результатом считать интеграцию в мировую «науку о религиях», то потребуются полемически выяснять, что является таковой; если же подразумевается какое-то исключительно самобытное религиоведение, тогда есть риск получения не научного, а идеологического статуса (впрочем, этот статус примеряется и к такому претенденту, как теология).

Непонятность конечной стадии перехода не отменяет, однако, реальности пребывания в промежуточном, *лиминальном* состоянии. Такое состояние характеризуется диффузностью структурной принадлежности, ролей и статусов; к сожалению, также и подчинённостью вненаучным инстанциям (не всегда понятно, каким), от которых зависит субъект перехода.

Впрочем, если доверять классическим исследователям обрядов перехода и инициальных ритуалов¹, подобное положение не исключает некой минимально структурированной жизнедеятельности – оставшись «как он есть», лиминальный совокупный субъект консолидирует своих участников. Из их совместного бытия рождается спонтанная общность, пребывание в которой постепенно «реанимирует» лиминального субъекта, даёт ему новый импульс к социальному движению. В этой общности аккумулируются полученные навыки выживания, формируется своя нормативность и идеология. Оснастившись таким опытом, субъект перехода уверенно входит

¹ Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / пер. с фр. Ю. В. Ивановой, Л. В. Покровской. М., 1999; Генон Р. Заметки об инициации // Кризис современного мира / пер. с фр. Т. Б. Любимова. М., 2008. С. 141–442; Дуглас М. Чистота и опасность: Анализ представлений об осквернении и табу / пер. с англ., вступ. ст. и комм. С. Баньковской. М., 2000; Тэрнер В. Символ и ритуал / пер. с англ. И. М. Бакштейна, В. А. Бейлиса. М., 1983.

в стадию обретения нового статуса. В дальнейшем он хранит память о периоде своей лиминальности и это укрепляет его в отстаивании достигнутого положения [16, с. 216].

Насколько такое теоретизирование применимо к современному российскому религиоведению – вопрос дискуссионный. Но не бесполезный, какие-то черты переходной ситуации вполне просматриваются.

Содержание исследования

Религиоведение как научная деятельность это всегда «встреча» познающего субъекта (религиоведов) и познаваемого объекта (религии). Рассмотрим некоторые аспекты того и другого применительно к российским условиям.

О положении религиоведения в России

Характеризуя современный этап развития отечественного религиоведения, можно утверждать, что профессиональная среда российских религиоведов до сих пор не является целостным научным сообществом. Основной массив этой среды – преподавательский состав образовательных учреждений, которые пребывают в состоянии перманентной нестабильности (как и вся система образования в Российской Федерации) и имеют ограниченные возможности исследовательской деятельности. Влияют на состояние российского религиоведения также и внутренние различия – поколенческие, мировоззренческие, идеологические, образовательные, аффилиация с теми или иными учреждениями и пр. В то же время за минувшую четверть века в религиоведение активно включились специалисты, не имеющие в своей научной биографии непосредственного советского опыта, при этом лучше предшественников и старших коллег владеющие знанием современного состояния наук о религии.

По способности понимания ситуаций и проблем религиозной жизни общества в истории и современности российские исследователи религии вполне соответствуют нынешнему состоянию мировой науки (в её религиоведческой сфере). В то же время возможности заявить себя на международном уровне и интегрировать российский исследовательский опыт в общий тезаурус наук о религии за рубежом ограничены

трудностями продвижения научных результатов, публикаций и докладов. Сложности возникают от недостаточного владения иностранными языками, плохого знания принятых в зарубежных изданиях форм «академического письма», финансовых ограничений участия в зарубежных конференциях, слабой организационной поддержке со стороны российских учреждений науки и образования. К препятствующим факторам можно добавить периодически возникающие международные обострения (что ненормально) и зарубежную научную конкуренцию (что нормально). Тем не менее, российские религиоведы, когда происходят международные научные контакты, вовсе не выглядят неквалифицированными в сравнении с зарубежными коллегами. А современные средства коммуникации во многом способствуют снятию барьеров для общения и налаживания научных связей.

Однако до сих пор российское религиоведение находится в поисках своего рода «почвы», с которой оно может связать своё произрастание. В силу диффузности профессиональной среды эти поиски ведутся в разных направлениях и сопровождаются идеологически заряженной полемикой [1; 4]. Какие-то из этих поисков адресуются к мировой традиции наук о религии в попытках найти в ней своё органичное место. Но преобладающим остаётся обращение к отечественному контексту изучения религии, различные фрагменты которого избираются за точки отсчёта российского религиоведения [2].

Заметный сегмент исследований в российском религиоведении составляет *освоение дореволюционного наследия рефлексий над религией*, выработывавшихся религиозной мыслью (богословие, церковная история) и связанной с религией философией. Этим почти в равной степени занимаются и светские, и конфессионально ориентированные исследователи. Такая «опрокинутость в прошлое» является свидетельством попыток выстроить некую линию преемственности, создать обоснование укоренённости нынешних исследователей в достойную интеллектуальную традицию минувшего.

Другой большой сегмент представляет *осмысление процессов, связанных с религией в советское время, и того, как эти процессы отражались в исследованиях советских авторов*. Причём, наряду с критической аналитикой антирелигиозного

и научно-атеистического подходов (обоснованной или гипертрофированной) имеют место полускрытые апологии советского опыта работы с материалом религий.

Весьма заметны и *рефлексии над текущим состоянием религиозной жизни России*, хотя острота многих рассматриваемых ситуаций насыщает исследовательский дискурс публицистическими характеристиками.

Общим свойством различных изысканий российских религиоведов остается обращённость преимущественно к отечественной проблематике, исторической и современной.

Разумеется, на развитие отечественного религиоведения влияет специфика религиозной ситуации в современной России. Многие религиоведы так или иначе лично сопричастны к различным коллизиям по поводу и/или вокруг текущей религиозной проблематики. Одним из следствий такого влияния выступает дифференцированность профессиональной среды по мировоззренческим и идеологическим основаниям. Если в плане научной компетентности российские религиоведы различаются между собой относительно, то в плане гражданских позиций и видения роли религии в обществе различия могут быть существенными. Перспективы и последствия наблюдаемого использования политическими инстанциями религии как «инструмента» идеологического конструирования воспринимаются в религиоведческой среде по-разному – от готовности участвовать в этом деле, до неприятия и включённости в так называемое «правозащитное религиоведение».

Что касается организационной консолидации научных усилий, которые способствовали бы развитию российского религиоведения, то исходя из личного опыта участия в разных форматах такого сотрудничества, считаем, что от традиционных форм организации – ассоциаций с руководящим составом и неопределённой массой участников, обществ с фиксированным членством или без такового и тому подобного, надо постепенно отказываться и переходить к сетевой кооперации исследовательских групп (небольших коллективов, изучающих общую предметную область), когда создаются временные объединения специалистов для формирования и реализации конкретного научного проекта. Разумеется, актуальным будет вопрос о финансовых и прочих ресурсах такого объединения,

но при исследовательской заинтересованности кооперация на уровне нескольких малых инициативных групп вполне достижима. А если исследовательского интереса не будет, то и объединяться бессмысленно. Большие же самостоятельные объединения, автор данной статьи считает в научном плане непродуктивными – они вынуждены представлять в качестве своего научного результата то, что достигается в отдельности их участниками по месту их трудовой деятельности (публикации, конференции и пр.). Единственным, хотя и серьёзным, оправданием таких объединений остаётся возможность под их эгидой проводить научные мероприятия, типа конференций, теоретических семинаров или круглых столов, где происходит обмен научно-исследовательской информацией.

По-прежнему «больной» темой остается профессиональное религиоведческое образование. Самым важным его аспектом в настоящее время является, к сожалению, необходимость его сохранения, хотя бы в том небольшом масштабе, который сейчас имеется. Сюда же добавляется конкуренция с «теологией», форсированно внедряемой в светское образование с претензией на аналог идеологической дисциплины [15].

О специфике предмета религиоведческих исследований в России

Если говорить о главных научных темах в религиоведении, то сегодня в наибольшей степени заслуживает внимания *проблема объекта исследований*. Речь не о подборе очередного, более точного определения религии [14], а именно об установлении параметров того, что в современных условиях существует под привычным названием *религии*.

Сохраняется ли вообще то состояние объекта (и сам объект), которое дало основание для формирования научной рефлексии, именуемой религиоведением? [12]. Или глобально происходит нелинейная трансформация прежних модусов религии в некое новое состояние, по отношению к которому существующий исследовательский инструментарий религиоведения малоэффективен, либо вообще требует замены? [3; 13].

Мистико-сотериологические настроения по-прежнему формируют мировосприятие, сознание и поведение религиозных индивидов, и исследование этих феноменов остаётся

в ряду задач религиоведения. Но повышенная социальная функциональность религиозных институтов сопровождается явной маргинализацией вероучительных смыслов, которыми эти институты были вызваны к жизни.

С этой проблемой связаны и все прочие, среди которых, например, идентификация различных новообразований в духовной сфере (включая «пограничные» сообщества), выявление новых значений в языке религий, адаптация религиозных практик к современным информационным (цифровым) технологиям, перспективы диалогового режима взаимоотношений светских и конфессиональных позиций в обществе (прежде всего в гражданско-правовой сфере), коррекция ценностных установок [8].

Религии не бывает без «носителей» – последователей различных исповеданий веры, которых принято называть *верующими*. Но мировоззренческая (отсылающая к вероучениям) мотивация и мистические интуиции вовсе не исчерпывают побудительные причины объединения последователей какой-либо религии. Как ни приземлённо звучит, но «материальные» – социальные и житейские интересы верующих здесь не менее значимы. Большие или малые объединения этих людей (церкви, общины) могут быть, так сказать, и совокупными субъектами разных мирских отношений, в том числе политических [7].

Понятие «верующий» носит условный характер, просто указывая на людей, которые по каким-либо причинам полагают себе приверженцами той или иной религии. Могут быть и, образно говоря, «вообще верующие» – либо в какого-то внеконфессионального универсального Бога, либо в некое Добро, Любовь, Мировую гармонию, Абсолютный разум и т. п. При этом чаще всего такие люди вполне обходятся без строгих доктринальных представлений (впрочем, не везде существуют доктрины), в лучшем случае адаптируя непростые идеи вероучения к собственному уровню понимания¹. Конечно, такие верующие были всегда и в прошлом.

¹ «Существует серьёзный разрыв между выраженной на вербальном уровне религиозностью и более строгими установками религиозного сознания и регулярными практиками религиозного поведения, которые присущи воцерковлённым верующим. Доля последних среди опрошенных жителей столицы оказывается небольшой и колеблется на протяжении последних лет в пределах 6–8%. Показательно, что наиболее распространённые причины проявления религиозности на уровне поведения зачастую обусловлены этнокультурными, а не собственно религиозными факторами» [6, с. 1126].

Отличие нынешних в том, что это люди, выбравшие на их вкус для себя нечто религиозное среди множества других предметов мировоззренческого выбора (чего, как правило, не было прежде, при доминировании исторически сложившихся религий в общественном пространстве).

Автор статьи полагает, что понятие «верующий» уместно как привычное лексическое самообозначение последователей религиозных учений, а также как некий конвенциональный фразеологизм исследователей религии в адрес изучаемой ими среды. А вот в правовое поле это понятие, по нашему убеждению, категорически вводить нельзя – как только появится юридически обязывающая формулировка: «верующий – это ...», так резко возрастёт репрессивность и, в ответ, конфликтность. Все, кто не будут формально соответствовать юридическому определению, рискуют «по закону» оказаться лишёнными своей религиозной идентичности. Собственно, в России и так наблюдаются эти репрессивность и конфликтность – в силу произвольного толкования загадочных «религиозных чувств верующих» и настойчивых попыток инкорпорировать в правовые акты понятие «секта» исключительно с негативным смыслом.

Нет оснований полагать, что различия в религиозных традициях сейчас – это существенный фактор, препятствующий мирному взаимопониманию (впрочем, локальные казусы не исключены). И если возникают конфликтные ситуации вокруг каких-то религиозных сообществ, то это отдельный вопрос, лежащий за пределами религиозных предпочтений. Ведь предметами конфликтов выступают вовсе не вопросы веры, догматические расхождения или что-то в этом роде, а вполне себе «мирские» проблемы. Скажем, споры о существовании или несуществовании Бога – дело куда менее востребованное и острое (практически маргинальное), чем борьба за ресурсы социального влияния.

Религиозные разногласия – это специфический формат (оформление) конфликта интересов, далеко не спиритуалистических. При историческом доминировании религий как состояния общественного сознания конфликты с необходимостью могли облекаться в религиозные «одеяния». Для современного человечества, имеющего множество функциональных экви-

валентов религии (одна «виртуальная реальность» чего стоит), религиозные разногласия уже не являются непереносимым поводом для конфликтов, хотя бы потому, что в массе своей носители любой религиозной идентичности крайне смутно знакомы с верованиями, а то и вообще обходятся без адекватных конфессиональных познаний [10; 11].

Иногда на уровне внешнего впечатления может сложиться образ клерикализации госполитики в России. Только это, скорее, не соответствует действительности. Позволительно будет себе напомнить, что по действующей Конституции РФ религиозные объединения отделены от государства, а религия – никакая – не может быть установлена в качестве государственной или обязательной. Отечественная государственность никогда, даже в эпоху мировоззренческого доминирования религии, не отдавала религиозным институтам права диктовать и управлять в сфере реальной политики. Напротив, сами религиозные институты всегда форматировались по лекалам интересов государственной власти и выступали во все времена, включая нынешние, как инструменты авторитарной государственности. Личные религиозные симпатии кого-либо из верховной власти здесь принципиального значения не имели и не имеют.

Однако использование (стимулирование) государством религиозного фактора для снятия напряжённости (допустим, через апелляцию к конфессиональным «духовным ценностям») таит риск неподконтрольной активизации радикальных сторонников «религиозации» общества. В России, если её народ хочет оставаться единым и иметь своё государство, сохранение социального целого достигается не «религиозной гармонией» (вообще говоря, недостижимой), а приоритетом продуманных практических действий в социальной политике во благо населения.

Выводы

Российским религиоведам как внутренне неоднородному совокупному субъекту наук о религии приходится иметь дело с существенно различными аспектами своей деятельности – научным, образовательным, экспертным. В исследовательском плане проблемность создают динамика и трансформации религии как объекта. Организационно большинство религиоведов

так или иначе связано со сферой учреждений образования (преимущественно, государственных), которые задают некие ограничительные рамки. А участие религиоведа в экспертной работе, хотя и даёт возможность реализовать профессиональные познания и восполняет скудный достаток, но несёт известные риски, к которым готов далеко не каждый специалист.

Фактически российское религиоведение пребывает в своего рода *лиминальном пространстве*. Оно уже отделилось от научно-атеистической парадигмы. Но нового статуса религиоведение в России пока не обрело, поскольку не очень понятно, чем оно должно стать. И оно находится сейчас в напряжённом поиске, подвергаясь разным воздействиям, как это и положено на пороговой стадии.

Список литературы

1. Антонов К. М. Принцип методологического объективизма и позиция «точки зрения» в академическом исследовании религии: проблемы и перспективы // *Религиоведческие исследования*. – 2020. – Т. 22. – № 2. – С. 118–132.
2. Бойцова О. Ю., Крупник И. Л., Яблоков И. Н. Российское религиоведение в цифровую эпоху // *Вопросы философии*. – 2022. – № 1. – С. 19–29.
3. Денисова Л. В., Морозов А. А. Постсекуляризм в современной России: опасности и перспективы // *Научный результат. Социология и управление*. – 2023. – Т. 9. – № 2. – С. 100–109.
4. Забияко А. П. Религиоведение как строгая наука // *Концепт: философия, религия, культура*. – 2019. – № 3. – С. 47–64.
5. Красников А. Н. *Методологические проблемы религиоведения (2007)*. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Юрайт, 2024. – 180 с.
6. Кублицкая Е. А., Назаров М. М. Динамика религиозности в современной России: по данным исследований в столичном регионе // *Вестник Российской академии наук*. – 2019. – Т. 89. – № 11. – С. 1120–1127.
7. Лункин Р. Н. Церкви в политике и политика в церквях. Как современное христианство меняет европейское общество. – М.: ИЕ РАН; Нестор-История, 2020. – 504 с.
8. Мчедлова М. М. Религия в современной России: социальные изменения и ценностные приоритеты // *Образование и духовная безопасность*. 2015. – № 2 (2). – С. 26–29.
9. *Парадигмы исследования религии в XXI веке / под ред. О. Ю. Бойцовой*. – М.: Издатель Воробьев А. В., 2020. – 224 с.
10. Пронина Т. С. Религия и поиски идентичности в постсоветской России. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2015. – 300 с.
11. Сикевич Э. В., Федорова А. А., Поссель Ю. А. К проблеме религиозной идентичности русских // *Религиоведение*. – 2022. – № 4. – С. 80–92.
12. Смирнов М. Ю. Перспективы религии // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. – 2013. – Т. 2. Философия. – № 2. – С. 194–206.
13. Узланер Д. А. Постсекулярный поворот: как мыслить о религии в XXI веке. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. – 416 с.
14. Штырков С. А. Религия, или Узы благочестия. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. – 172 с.
15. Элбакян Е. С. Теология в земных реалиях // *Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина*. – 2016. – № 1. – С. 118–128.

References

1. Antonov, K. M. (2020) Printsip metodologicheskogo ob"ektivizma i pozitsiya "tochki zreniya" v akademicheskom issledovanii religii: problemy i perspektivy [The methodological objectivism principle and the "point of view" position in the academic study of religion: problems and prospects]. *Religiovedcheskie issledovaniya – Religious studies*. Vol. 22. No. 2. Pp. 118–132. (In Russian).
2. Bojtsova, O. Yu., Krupnik, I. L., Yablokov, I. N. (2022) Rossijskoe religiovedenie v tsifrovuyu epokhu [Russian Religious Studies in the Digital Age]. *Voprosy filosofii – Questions of philosophy*. Vol. 1. Pp. 19–29. (In Russian).
3. Denisova, L. V., Morozov, A. A. (2023) Postsekulyarizm v sovremennoj Rossii: opasnosti i perspektivy [Post-Secularism in modern Russia: Dangers and prospects]. *Nauchnyj rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie – The scientific result. Sociology and Management*. Vol. 9. No. 2. Pp. 100–109. (In Russian).
4. Zabiako, A. P. (2019) Religiovedenie kak strogaya nauka [Study of religion as a strict science]. *Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura – Concept: philosophy, religion, culture*. No. 3. Pp. 47–64. (In Russian).
5. Krasnikov, A. N. (2024) *Metodologicheskie problem religiovedeniya (2007)* [Methodological problems of religious studies]. 2nd ed. Moskva: Yurajt. (In Russian).
6. Kublitskaya, E. A., Nazarov, M. M. (2019) Dinamika religioznosti v sovremennoj Rossii: po dannym issledovanij v stolichnom regione [The dynamics of religiosity in modern Russia: according to research in the metropolitan region]. *Vestnik Rossijskoj Akademii nauk – Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 89. No. 11. Pp. 1120–1127. (In Russian).
7. Lunkin, R. N. (2020) *Tserkvi v politike i politika v tserkvyakh. Kak sovremennoe khristianstvo menyaet evropejskoe obshchestvo* [Churches in politics and politics in churches. How Modern Christianity is Changing European Society]. Moskva: Nestor-Istoriya. (In Russian).
8. Mchedlova, M. M. (2015) Religiya v sovremennoj Rossii: sotsial'nye izmeneniya i tsennostnye priority [Religion in Modern Russia: social change and value priorities]. *Obrazovanie i dukhovnaya bezopasnost' – Education and spiritual security*. No. 2. Pp. 26–29. (In Russian).
9. Bojtsova, O. Yu. (2020) (ed.) Paradigmy issledovaniya religii v XXI veke [Religious research paradigms in the 21st century]. Moskva: Izdatel' Vorob'yev A. V. (In Russian).
10. Pronina, T. S. (2015) *Religiya i poiski identichnosti v postsovetsoj Rossii* [Religion and the Search for Identity in Post-Soviet Russia]. Tambov: Derzhavin Tambov state univ. press. (In Russian).
11. Sikevich, Z. F., Fyedorova, A. A., Possel, Ju. A. (2022) K probleme religioznoj identichnosti russkikh [On the Religious Identity Problem among Russians]. *Religiovedenie – Study of Religion*. No. 4. Pp. 80–92. (In Russian).
12. Smirnov, M. Yu. (2013) Perspektivy religii [Perspectives of religion]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. Vol. 2. Filosofiya. No. 2. Pp. 194–206. (In Russian).
13. Uzlener, D. A. (2020) Postsekulyarnyj povorot: kak myslit' o religii v XXI veke [The post-secular turn: how to think about religion in the 21st century]. Moskva, Izdatel'stvo Instituta Gajdara. (In Russian).
14. Shtyrkov, S. A. (2021) *Religiya, ili uzy blagochestiya* [Religion, or the Bonds of piety]. Sankt-Peterburg: Isdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russian).
15. Elbakyan, E. S. (2016) Teologiya v zemnykh realiakh [Theology in Earthly Realities]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 1. Pp. 118–128. (In Russian).
16. Smirnov M. Yu. (2017) (ed.) *Entsiklopedicheskij slovar' sotsiologii religii* [Encyclopedic Dictionary of the Sociology of Religion]. Sankt-Peterburg: Platonic Philosophical Society. (In Russian).

Об авторе

Смирнов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, ORCID ID: 0000-0002-1749-3003, e-mail: mirsnov@yandex.ru

About the author

Mikhail Yu. Smirnov, Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Pushkin Leningrad State University, Sankt-Peterburg, ORCID ID: 0000-0002-1749-3003, e-mail: mirsnov@yandex.ru

Поступила в редакцию: 20.12.2023
Принята к публикации: 15.01.2024
Опубликована: 22.03.2024

Received: 20 December 2023
Accepted: 15 January 2024
Published: 22 March 2024